

Феномен революции в культурно-исторической динамике социальных трансформаций

С.С. Новосельский

Консервативные модели противодействия революционному движению в 1905 г. (на материалах деятельности Е.В. Богдановича и его сподвижников)

В статье анализируются характер и результаты общественно-политической деятельности участников монархического движения в 1905 г., группировавшихся вокруг салона генерала Е.В. Богдановича. Особое внимание уделяется проектам мер противодействия революционному движению, разрабатывавшимся некоторыми из них, главным образом Б.В. Никольским. На основании привлечения архивных материалов, впервые вводимых в научный оборот, делается вывод о том, что консервативные модели противодействия революционному движению в 1905 г. не имели у власти успеха.

Ключевые слова: Первая русская революция, 1905 год, общественно-политическая мысль, Е.В. Богданович, Б.В. Никольский.

Широко известный салон генерала Е.В. Богдановича играл заметную роль в деятельности консервативного направления общественно-политической мысли в России в конце XIX – начале XX в. Политические взгляды и деятельность генерала и его сподвижников являлись предметом анализа в отечественной историографии¹. Однако вопрос о том, насколько соответствовали друг другу воззрения власти и ее апологетов на способы решения одной из важнейших государственных задач – противодействия революционному движению в 1905 г., – до сегодняшнего дня оставался вне поля зрения исследователей.

Среди постоянных участников салона были близкие ко двору В.А. Дедюлин, А.А. Мосолов, М.С. Путятин, Б.В. Штюмер, а также

участник Петергофских и Царскосельских совещаний о проектах создания Государственной думы и организации парламентских выборов А.С. Стишинский². И хотя тот факт, что взгляды участников кружка не имели поддержки в среде высшей бюрократии, признавался даже современниками, сочувствовавшими их идеям³, идеологические оппоненты Богдановича отдавали ему должное как одному из составляющих официальной политики Николая II⁴.

Революционный кризис 1905 г., несомненно, способствовал активизации консерваторов в разработке проектов его преодоления и поиске путей ознакомления власти с этими проектами. Так, гофмейстер Штюрмер, указывая в своей записке по делам печати на острую необходимость противодействия революционной агитации, особо отмечал роль, которую могли бы сыграть в этом процессе патриотические издания генерала Богдановича⁵. Следует отметить, что по итогам работы Особого совещания по делам печати под председательством Д.Ф. Кобеко проект Штюрмера (так и оставшийся неосуществленным) был признан приоритетным, а кандидатура его автора рассматривалась в качестве руководителя Бюро печати, которое предполагалось создать в будущем⁶.

И все же наиболее существенным «каналом связи» приверженцев монархических взглядов с властью продолжали оставаться всеподданнейшие записки и письма по различным вопросам внутренней и внешней политики, адресованные непосредственно императору. Под такими записками нередко стояла подпись Богдановича, хотя он далеко не всегда являлся их автором. В историографии отмечалось, что определенное участие в составлении записок Богдановича принимал приват-доцент историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, поэт и литературный критик Б.В. Никольский, занявший в 1905 г. должность личного секретаря генерала⁷. Однако анализ документов личного фонда Никольского в ГА РФ свидетельствует о том, что его роль отнюдь не сводилась к записи соображений Богдановича под диктовку и приданию им литературной формы. Никольский являлся автором как минимум четырех содержащих предложения различных мер по борьбе с революционным движением «записок Богдановича», в текст которых генералом впоследствии вносились лишь редакционные правки. Эта работа в известной степени вскружила голову прежде далекому от власти Никольскому. На страницах своего дневника он отмечает стремительный рост собственного политического влияния⁸, констатирует, что является незаменимым в решении важнейших государственных вопросов⁹, и даже полагает, что с января 1905 г. ведет государственную политику наравне с Д.Ф. Треповым, Путятиным и Богдановичем¹⁰.

Поводом к одной из таких записок послужил исход Цусимского сражения. Поданная царю 21 мая 1905 г., она была составлена Никольским 18 мая и в тот же вечер слегка отредактирована автором совместно с Богдановичем¹¹. В ней Никольский прогнозирует рост «крамольного движения» в связи с военными неудачами и указывает на то, что отныне крамола представляет угрозу не только основам самодержавного строя России, но и дальнейшему существованию самой династии Романовых¹². В противовес «парламентской трагикомедии» автор предлагает сделать ставку на сильную, «карательную» власть, которой жаждет народ¹³. Главная опасность, по мнению Никольского, заключается в том, что основным претендентом на власть в сложившейся ситуации становится председатель Комитета министров С.Ю. Витте, ведущий «двойную игру»: «Правительству он импонирует умением якобы ладить с оппозицией, оппозиции же он импонирует своим высокопоставленным положением»¹⁴. Отстранение Витте от занимаемых им государственных должностей и его переход в открытую оппозицию правительству, согласно утверждению автора, лишат Витте какого бы то ни было влияния как во властных структурах, так и в среде, противодействующей им. Любопытно, что, призывая в своей записке царя к решительным действиям, Никольский не особенно верит в то, что Николай II откликнется на его призыв. Упрекая царя в глупости, невежестве и бездарности, Никольский на следующий день по составлению всеподданнейшей записки отметит в своем дневнике, что средствами к спасению династии могли бы стать не только демонстративная казнь некоторых великих князей, Витте и заключение мира с Японией до разгрома на суше¹⁵, но и самоубийство самого Николая. «Но где ему!»¹⁶, – с горечью замечает Никольский.

Другая «записка Богдановича» была составлена Никольским 30 июня 1905 г. по случаю восстания на броненосце «Князь Потемкин-Таврический»¹⁷. Она является продолжением серии всеподданнейших докладов, представленных Богдановичем по итогам его поездки по югу России в конце 1904 – начале 1905 г.¹⁸ Основная мысль этих докладов сводилась к нехватке, наряду с репрессивными, «хирургическими» мерами, «профилактических» мероприятий для борьбы с революционным движением, под которыми Богданович в первую очередь понимал широкое развертывание политической и религиозной пропаганды, явно намекая на желательность своего активного участия в этом деле¹⁹. Сокрушаясь о том, что в ряде южнороссийских городов не были своевременно применены меры административной высылки, усиления полицейского контроля, а также ликвидации некоторых печатных изданий²⁰, Никольский устами Богдановича призывает к консолидации разрозненных

местных властей и расширению их полномочий в борьбе с революционным движением²¹.

Конкретные меры для достижения этой цели Никольский излагает в следующей своей всеподданнейшей записке от 16 августа 1905 г., в которой настаивает на необходимости улучшения материального положения низших чинов полиции для противодействия революционному движению²². Основываясь в своих рассуждениях на впечатлениях генерала Богдановича о поездке по делам издания «листочков и брошюр» в Тамбовскую, Царицынскую, Харьковскую, Полтавскую губернии и Юго-Западный край, автор на сей раз прибегает к аргументам чисто экономического характера. На примере Полтавской губернии Никольский указывает на то, что размер зарплаты городского (12 рублей в месяц) при возможности за аналогичный период, не рискуя жизнью, заработать на сборе урожая от 45 до 60 рублей, крайне негативно отражается на составе местной полиции и эффективности ее работы²³. Тезис автора прост: укрепление силовых структур для борьбы с революционными всплесками обойдется дешевле, чем ликвидация их последствий²⁴.

Заключение Портсмутского мирного договора стало еще одним поводом для генерала напомнить о себе. Во всеподданнейшей записке от 25 сентября 1905 г., автором которой вновь выступил Никольский²⁵, главной угрозой стабильности и порядка в государстве провозглашается возвращающаяся с Дальнего Востока армия, где «не удалось еще свить себе прочного гнезда революционной пропаганде»²⁶. Армию эту, согласно утверждению автора, необходимо во что бы то ни стало подготовить к сложившейся за время Русско-японской войны в стране атмосфере «брожения, агитаций и тревожных политических настроений, неразрывно связанных с новыми порядками государственной жизни»²⁷. Вполне естественно, что наиболее подходящей кандидатурой для выполнения этого поручения Никольский называет Богдановича и ходатайствует об оформлении генералу командировки в действующую армию, для того чтобы «потолковать с солдатами, с офицерами, по крайней мере, с начальниками отдельных частей, и, во всяком случае, со всеми полковыми командирами»²⁸. Однако это ходатайство, вероятнее всего, по причине весьма существенных расходов на его осуществление, а также физической невозможности претворения в жизнь задуманного Богдановичем предприятия вполне предсказуемо осталось неудовлетворенным.

Общественно-политическая деятельность Никольского в 1905 г. не ограничивалась составлением всеподданнейших записок для генерала Богдановича. Никольский стремился довести до сведения императора свои соображения о возможных путях преодоления

революционного кризиса как посредством собственных проектов, подаваемых на высочайшее рассмотрение, так и через приближенных ко двору единомышленников. 24 января 1905 г. в письме к князю Путятину Никольский называет Витте главным противником самодержавия и виновником сложившегося в стране политического кризиса: «На вопли “долой самодержавие” у русского человека может быть лишь один ответ: долой Витте. Это не конец, разумеется, всего, что им посеяно, но *только* это было бы началом такого конца»²⁹. Тем самым автор письма выражает не только собственную точку зрения, но и взгляд, присущий подавляющему большинству представителей консервативного направления общественно-политической мысли, а также отдельным высшим сановникам³⁰. Путятин ознакомил Николая II с содержанием письма³¹, которое, по словам императора, было «искренно и горячо написано»³². Удостоившись в начале апреля личной получасовой аудиенции у Николая II, Никольский назвал происходившие в стране события «гнусным походом» против самодержавия, в котором каждый стремится, по примеру Витте, урвать себе часть властных полномочий. По свидетельству самого Никольского, подобная оценка деятельности председателя Комитета министров вызвала у царя «сочувственное кивание и какое-то незначительное слово согласия и одобрения»³³.

Однако свою главную задачу Никольский видит в участии в разработке проекта Государственной думы. С этой целью он встречается с министром внутренних дел А.Г. Булыгиным и отстаивает в разговоре с ним идею привлечения выборных в Государственный совет, которое, по мнению Никольского, помогло бы «обезвредить рескрипт 18-го февраля»³⁴. Идея Никольского не находит поддержки у министра, который не привлекает его к участию в работе «булыгинского совещания», о чем Никольский будет впоследствии сожалеть, утверждая, что, несмотря на принципиальные расхождения с Булыгиным во взглядах на Государственную думу, он непременно принял бы предложение участвовать в ее разработке, если бы такое предложение последовало³⁵. В то же время любопытно, что петербургская молва, согласно утверждению Никольского, приписывала именно ему авторство Манифеста 18 февраля 1905 г.³⁶

Никольский не отчаивается и составляет собственный проект о «привлечении выборных людей». Саму записку, которая была напечатана в июне 1905 г. без цензуры в количестве 25 экземпляров³⁷, обнаружить не удалось. Однако проект Никольского, подготовленный им к началу апреля³⁸, был в мае представлен на высочайшее рассмотрение³⁹. Никакой реакции императора на записку не последовало⁴⁰. При этом можно смело утверждать, что она

вызвала одобрение в высших консервативных кругах. Так, по словам Никольского, Путятин уверял его, что «записка именно есть идеал того, о чем он думал»⁴¹. У собравшихся на одном из вечеров у А.П. Игнатьева, на котором среди гостей присутствовали, в частности, В.Г. Глазов, П.Л. Лобко, С.А. Толь, записка также встретила «сильное сочувствие»⁴². Но в то же время Никольский вынужден констатировать в телеграмме, направленной Путятину на следующий день после своего выступления у Игнатьева: «Общее мнение, что поздно»⁴³.

Содержание записки Никольского представляется возможным частично реконструировать по другим источникам. Так, в ходе одного из собраний кружка Игнатьева в марте 1905 г. Никольский высказывает мысль о том, что главными орудиями противодействия революции должны стать сословность и христианская мораль⁴⁴. Схожие идеи отстаивались консерваторами в ходе Петергофских совещаний о проекте Государственной думы, проходивших 19–26 июля 1905 г. Представители традиционалистского политического мышления (А.А. Нарышкин, А.А. Бобринский, те же Игнатьев, Стишинский и Лобко)⁴⁵ в ходе обсуждения настаивали на сословном характере выборов в Государственную думу⁴⁶, широкое представительство в которой, по их мнению, должно было быть предоставлено не только дворянству и крестьянству, но и духовенству⁴⁷. Консервативная партия в итоге потерпела поражение, но следует отметить, что одним из источников, оказавших влияние на формирование тех воззрений, которые отстаивались традиционалистами перед императором, вполне могла являться записка Никольского.

В результате провала всех инициатив и предложений Никольского стало полное разочарование последнего в Николае II. Тяготясь своими монархическими пристрастиями, Никольский в дневнике не стесняется в выражениях и даже намекает на царевбийство как на выход России из революционного кризиса: «Я думаю, что царя органически нельзя вразумить. Он хуже, чем бездарен: он – прости меня Боже – полное ничтожество! <...> Одного покушения теперь мало, чтоб очистить воздух. Нужно что-нибудь сербское»⁴⁸. Следует отметить, что подобная оценка личности императора вполне согласуется с общими настроениями, царившими в 1905 – начале 1906 гг. в монархических кругах, в которых Николай II подвергался едва ли не более ожесточенной критике, чем в среде либералов⁴⁹.

Любопытно, что при минимальном влиянии, которое оказывали на государственную политику представители консервативного направления общественно-политической мысли (в том числе, генерал Богданович и его приближенные), их роль существенно

преувеличивалась и даже демонизировалась в либерально настроенных кругах. В ноябре 1905 г. в печать попала адресованная Витте записка горнопромышленника Ф.А. Львова, в которой Богданович представлен руководителем весьма многочисленной вооруженной контрреволюционной организации. Ее ядро, по сведениям автора записки, составляли чины жандармско-полицейского управления, а региональная сеть поддерживалась усилиями наиболее консервативно настроенных губернаторов (П.А. Столыпина, П.Г. Курлова, А.А. Лопухина и других)⁵⁰. После обнародования Манифеста 17 октября 1905 г. целью организации, согласно утверждению Львова, стала уже не контрреволюция, а «контрконституция», а ее дальнейшая активность грозила России «кровавой баней» и возвратом назад, в объятия революции⁵¹. Очевидно, что даже при наличии желания организовать нечто подобное Богданович не располагал для этого соответствующими материальными и кадровыми ресурсами. Однако заявления об угрозе союза власти с «черной сотней», звучавшие на страницах не только столичных, но и региональных печатных изданий⁵², весьма красноречиво иллюстрируют картину восприятия консерваторов в глазах общественного мнения.

Итоги общественно-политической активности завсегдатаев салона Богдановича, а также самого «генерала от Исаакиевского собора» в 1905 г. были неоднозначны. С одной стороны, Богданович являлся во многом номинальной, символической фигурой, чья деятельность зачастую сводилась к лоббированию собственных издательских проектов, составлявших для генерала один из основных источников дохода. Меры противодействия революционному движению, разрабатывавшиеся сподвижниками Богдановича (в первую очередь Никольским), не находили у власти сочувствия и поддержки. Самодержавие показало себя гораздо более прогрессивным, нежели его консервативно настроенные приверженцы, в правительственных сферах доминировали уже совсем иные тенденции. В то же время кружок Богдановича являлся для деятелей монархического толка тем интеллектуальным полем, где аккумулировались и формулировались проекты и предложения, с которыми они обращались к власти. Подобная подготовительная работа способствовала становлению базы, на основе которой происходило формирование правых партий и общественных организаций, которым предстояло сыграть существенную роль в политике новой, думской России. Пока же, в 1905 г., власть и общество находились в поисках консенсуса, который не всегда являлся достижимым: консервативные и либеральные элиты пугали власть смутой и анархией, усматривая ее причины друг в друге и сталкиваясь лицом к лицу с общим врагом – революцией.

- ¹ См.: *Стогов Д.И.* Крестный отец Союза русского народа: Генерал Евгений Васильевич Богданович (1829–1914) // Правая Россия: Жизнеописания русских монархистов начала XX века / Сост. А.А. Иванов, А.Д. Степанов. СПб.: Царское дело, Русская народная линия, 2015. С. 320–340; *Он же.* Личность политика-монархиста Б.В. Никольского и революционные события 1905–1907 гг. // Государство, общество, церковь в истории России XX века: Материалы XI Междунар. науч. конф., Иваново, 15–16 февр. 2012 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2012. С. 444–449; *Он же.* Салон генерала Е.В. Богдановича в борьбе за сохранение Империи // Имперское Возрождение. 2007. № 6 (14). С. 60–69.
- ² См.: *Стогов Д.И.* Салон генерала Е.В. Богдановича в борьбе за сохранение Империи. С. 64.
- ³ См.: *Дневник Л.А. Тихомирова: 1905–1907 гг.* / Сост. А.В. Репников, Б.С. Котов. М.: Полит. энцикл., 2015. С. 66–67.
- ⁴ См.: *Колышко И.И.* Великий распад: Воспоминания / Сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. И.В. Лукоянова. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 185.
- ⁵ ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 228. Л. 53.
- ⁶ Там же. Л. 55.
- ⁷ См.: *Никольский Б.В.* Сокрушить крамолу / Сост., предисл. и примеч. Д.И. Стогова; отв. ред. О.А. Платонов. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2009. С. 13–14.
- ⁸ См.: *Никольский Б.В.* Дневник: 1896–1918: В 2 т. / Изд. подгот. Д.Н. Шилов, Ю.А. Кузьмин. Т. 2: 1904–1918. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. С. 33, 37, 45, 57.
- ⁹ Там же. С. 34.
- ¹⁰ Там же. С. 59.
- ¹¹ ГА РФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1277. Л. 16.
- ¹² Там же. Ф. 543. Оп. 1. Д. 588. Л. 1.
- ¹³ Там же. Л. 1 об.–2.
- ¹⁴ Там же. Л. 3.
- ¹⁵ См.: *Никольский Б.В.* Дневник. Т. 2. С. 58.
- ¹⁶ Там же. С. 59.
- ¹⁷ ГА РФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1284. Л. 1.
- ¹⁸ Там же. Ф. 543. Оп. 1. Д. 588. Л. 13–22 об.: Всеподданнейшие доклады генерал-лейтенанта Богдановича от 19 декабря и 26 ноября 1904 г., 1 февраля 1905 г. об исполнении особого поручения в Николаеве, Севастополе, Одессе в 1904–1905 гг.
- ¹⁹ Там же. Л. 13–14, 21 об.
- ²⁰ Там же. Л. 9 об.
- ²¹ Там же. Л. 10.
- ²² Там же. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1283.
- ²³ Там же. Л. 2 об.–3.
- ²⁴ По подсчетам Никольского, повышение жалования штатным чинам и агентам полиции, по крайней мере, в два раза будет стоить бюджету 1,5–2 млн рублей ежегодно, в то время как «история с «Князем Потемкиным» обошлась России в несколько десятков миллионов» (ГА РФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1283. Л. 3).

²⁵ ГА РФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1307. Л. 1.

²⁶ Там же. Ф. 543. Оп. 1. Д. 588. Л. 23.

²⁷ Там же. Л. 23 об.

²⁸ Там же. Л. 24.

²⁹ Там же. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1118. Л. 3–3 об.

³⁰ В частности министр народного просвещения В.Г. Глазов, обсуждая в начале марта 1905 г. с Никольским фигуру Витте, сетовал: «Вы не можете себе представить, как он нам мешает». В то же время Глазов признавал, что противники Витте не имеют возможности открыто противостоять ему, поскольку «государь велит действовать по соглашению» (*Никольский Б.В.* Дневник. Т. 2. С. 37).

³¹ Вероятно, это произошло 31 января 1905 г., когда Николай II оставил в своем дневнике запись: «Разговаривал долго с Путятиным» (Дневники императора Николая II (1894–1918): В 2 т. / Отв. ред. С.В. Мироненко. М.: Росс. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2013. Т. 2: 1905–1918. Ч. I: 1905–1913. С. 18.

³² *Никольский Б.В.* Дневник. Т. 2. С. 42.

³³ Там же. С. 50.

³⁴ Там же. С. 33.

³⁵ ГА РФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1118. Л. 8.

³⁶ См.: *Никольский Б.В.* Дневник. Т. 2. С. 37, 39.

³⁷ ГА РФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 635. Л. 7–7 об.

³⁸ Там же. Д. 1118. Л. 7.

³⁹ Там же. Д. 635. Л. 3 об.

⁴⁰ *Никольский Б.В.* Дневник. Т. 2. С. 56.

⁴¹ Там же. С. 45.

⁴² ГА РФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1166. Л. 1.

⁴³ Там же.

⁴⁴ См.: *Никольский Б.В.* Дневник. Т. 2. С. 41.

⁴⁵ См.: *Кириянов И.К., Лукьянов М.Н.* Российская бюрократия в условиях кризиса, 1905–1906 // Политическая и духовная культура Европы (новое и новейшее время): Межвуз. сб. науч. тр. Пермь: Перм. ун-т, 1992. С. 68–69.

⁴⁶ См.: Петергофские совещания о проекте Государственной Думы: Какую Думу хотели дать народу Николай II и его министры. Пг.: Гос. тип., 1917. С. 20, 26–28, 68, 69, 79, 81, 87, 142–143.

⁴⁷ Там же. С. 83.

⁴⁸ *Никольский Б.В.* Дневник. Т. 2. С. 55.

⁴⁹ «Пока у нас этот царь, порядка в России не будет, нечего его ожидать», – отметил 16 февраля 1906 г. в своем дневнике супруга генерала Богдановича (*Богданович А.В.* Три самодержца: Дневники генералыши Богданович. М.: Вече, 2008. С. 293).

⁵⁰ Наша жизнь. 1905. 19 нояб. С. 2.

⁵¹ Там же.

⁵² См.: П.А. Столыпин: Переписка. М.: Росс. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2007. С. 600.